

Из книги «Прощание с прозой»

* * *

Я не был там. Но в том селеньи
Направо – церковь, налево – клуб,
Где жизнь – «ништя-як!», а вкус осенний –
У этих рюмок, ягод, губ.

Индийский чай наливают в блюдца.
Стихи читают за просто так.
Но если любят – на кольях бьются,
С цепей спуская добрейших собак.

Река, конечно. И лес дремучий.
И нет замков у входных дверей.
И пешеходы – из самых лучших –
Кормят семечками голубей.

Все дни одни и ночи схожи.
И в заповедном том уголке
Не разобрать, кто бомж, кто Боже:
У того и этого хлеб в руке.

Там ни-че-го! И в стиле ретро,
Затмив кочегарку, страну, грозу,
Большой и сильный, летит по ветру
Газетный змей с человеком внизу.

* * *

Перекроют каналы и реки,
Но поэтам не страшен зажим.
Мы, как дикие гордые зеки,
От стихии в стихах убежим.

Этим – рельсу лужёному вторя
Под стальной колотушкой стенать.
Мы – чужие в налаженном хоре,
Легче души и рты разорвать.

Нам – под русским ощеренным небом,
Где цветы и жужжит мошкара,
И кемаришь в телаге нелепой
С огнестрельной дырой от костра.

* * *

Жутко в поле, в лесу ещё жутче,
Жёлты листья на чёрной воде.
Осыпаются с треснувшей кручи
Камни сами собою – к беде.

Старый бор кособок и нестроен.
Где дубы, что пойдут на гробы?
То глухарь, то обугленный корень
Промелькнёт на изгибе тропы.

Улететь бы отсюда немедля –
Тесно в небе от пущенных пуль.
И на шею кидаются петли –
На изюбров, лосей и косуль.

Всё ольшаники, гари, болота –
Этот Богом затерянный край.
Хоть бы песенный встретился кто-то,
А не то пропаду невзначай.

* * *

Мы с братом по рыжики не ходили
В осенний, как вымпел пылающий лес,
Где полон ларец паутины журчащей,
Рябиновых ягод и волчьих с отливом,
И заяц бежит, а на ветке еловой
Стишком остропёрым волнуется клёст.

Мы брата нечаянно схоронили –
Купавы упали, березник облез,
И ветер подул над деревнею спящей,
А утром ненастным, а утром дождливым,
Как память о брате, на шпаге ольховой
Я рыжиков маме не спавшей принёс.

Чтоб мама подумала, будто мы с братом,
Проснувшись пораньше, сходили за ними
В безлистый, как углем начертанный лес,
Где также висят на ветвях паутины,
Да только паук позабыл свои сети,
А дни холодной и короче под зиму...

Мы входим в него, как в резные палаты
С высоким крыльцом и коврами цветными,
И своды из стёкол – до самых небес,
И птицы поют, и пылают каминны,
И белки грибы собирают, как дети,
И эллинов нет, и хранят – херувимы.

* * *

Любимые, в детстве мы злобно шутили
Над тихою жизнью седых стариков:
То в речке у бабки очки утопили,
То деду гурьбой надавали пинков.

И бабка – беснуясь, и дедушка – строже:
«Ну, где тут крапива? Держите его!»
Воскликнут: «Андрюша!», вверх палец: «Серёжа!»,
«Эх, Мишка-паршивец!» – и только всего.

Дед умер, а бабушка зла не попомнит:
Как Господа, встретит впотьмах у ворот,
Как Бога обнимет, как Бога накормит,
Из ковшика Богу на шею польёт.

СТИХИ О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Как на яблоне зимней ранетка,
Та, что сахаром сделал мороз!
Вон шагает, рукою, как веткой,
То и дело касаясь волос.

И стою я, как будто калека,
Выдыхая не полную грудь,
Чтобы только пушистого снега
С ненаглядной моей не стряхнуть.

* * *

Идти, рассеивая тьму
И отключая телефоны,
По-детски радуясь тому,
Что наконец-то мы вне зоны.

А впрочем, это только звук,
Ведь этот рот и это тело
Уже в пределах этих рук,
А значит – моего предела.

Глаза читаем, словно текст.
Метель – как тысячи инъекций
Для задыхающихся тех,
Кто драпанул с вечерних лекций.

Перебегаем переезд.
В потоке воздуха – составы,
А семафор наперерез –
Как пограничник у заставы.

Как два кормящихся птенца,
Стоим, целуясь на тропинке.
И пахнет дыней у лица
Пузырь жевательной резинки.

* * *

Деревушка. Вид с луной,
С красным факелом осины.
Поутру – грибов корзины,
Ну а лучше – дождь грибной.

На закате – тихий плёс,
Чтоб, не считывая числа,
Надо мною ты нависла
Грудью, запахом волос.

Пусть бы эдак лет до ста
На воде играли блики
И качались возле рта
Две тугие земляники.

ОСЕННИЕ СТИХИ

Никакой побеждающей прозы.
Словно женщина, осень близка.
И, как трассеры, листья берёзы
Пролетают весь день у виска.
Это всё не судьба, а привычка:
Просыпаться, курить поутру
И смотреть, как потухшая спичка
Несказанно дымит на ветру.

* * *

Земные дни не на святой Голгофе
Ты завершишь. И вылетишь в дыру
Не пулей сбит, а свежей чашкой кофе,
Затяжкой Winston Classic поутру.

Ну а пока на жизнь немало шансов,
Ведь в череде возможных катастроф –
Косячный файл, отсутствие финансов
И убыванье веры или дров.

НА БЕРЕГУ ЛЕНЫ ВЕСНОЙ 2015 ГОДА

Возвращаясь с утиной охоты

Металлический холод реки, желтоглазая чёрнеть
Да в бору за спиной надоевший надрыв глухарей...
Я здесь тридцать прожил и ещё один год, и ничем мне
Этот край – промороженный, лютый –
не стал ни милей, ни родней.

Даже если сейчас всё предам, всё продам, всё разрушу,
Если всё то, что дорого, мором накроет и мглой, –
Ничего не заломит: ни совесть, ни память, ни душу,
Так как нет ничего, хоть до самых печёнок разрой.

Только Бог и порог... Ну а между – ты в жалкой кепчёнке.
Ты собрался уйти? Не прощайся.

Кому здесь: «Прощайте!»? Идётся...

Всё, что есть у тебя, – это русская наша никчёмность,
И талант, и надежда, цена за которые – грош.

* * *

По-над Леной кричат журавли,
За эпохой проходит эпоха.
И живёшь ты, художник земли,
На распутье печали и вдоха.

И печаль, словно даль, голубá.
Ну а вздох, как известно из сказок,
Это боль, и ладони у лба,
И смеркание слова и красок.

А меж тем, на закате горит,
И пророчат синоптики стужу.
Но перо против ветра летит,
Наполняя движением душу.

* * *

Один начитанный костыль
Вещал, как мухомор скукожась,
Что это всё – знакомый стиль,
И хоть сейчас его – в утиль,
А ты, мол, выдай непохожесть.
Но стиль, друзья, не пластилин,
Чтобы себя лепить иначе!
И есть в моём роду, однако,
Отец и мать. И я им – сын,
А не приبلудная собака.

* * *

И всё-таки счастье возможно, притом
Что солнце – восходит, роса – высыхает
И мир за окошком огромный, как дом,
Где мама косичку свою заплетает.

Там ведом далёкой тропинки изгиб.
И шпаришь стихи без единой запинки.
А в речке навалом не пойманных рыб,
Каких не бывает на уличном рынке.

И в этой мозаике давних примет
Навроде фрагментов заветного пазла –
Стакан голубики, вечерний омлет
И булочка с лунной дорожкой масла.

* * *

Как он, Тарас, пришпоривал коня!
Как вслед за ним моя душонка мчала!
Как он рубил, как если бы меня!
Как голова ссечённая кричала!

Как он вставал задолго до зари!
Как, покрестясь, прикладывался к фляге!
Как он, старик, доканывал: «Андрей!
Ну что же, сынку, не помогут ляхи?!»

Так я бы сам садился на коня!
Так я бы сходу зарезался в рубку!
Так с казаками на закате дня
Сидел в степи да набивал бы трубку!

Но видел я, как дед мой бабку бил,
Как за волосы поднимал с матраса,
А после пел и залихватски пил...
И с той поры я разлюбил Тараса!

* * *

Между тем как весна заливаётся трелью синицы,
Лёд ещё не пошёл, но обсох во дворе тротуар,
И так соком берёз набираются за ночь криницы,
Как стихами – страницы, которые пьёшь, как отвар

Этих сказочных трав, а тем паче – сибирских, таёжных,
Тех, что в детстве твоём наготовила бабушка впрок...
Вот и бабушки нет! Но цветёт, как при ней, подорожник,
Чтоб, к душе приложив, ты утишить волнение мог.

А как боль отойдёт, как увянет и жечь перестанет,
То воспрянешь и ты, рукава засучив наяву,
И посмотришь вперёд основательно, будто крестьянин,
Что пришёл на покос и с восторгом глядит на траву.

По веленью строки, по весеннему крику глухарки
Зашатается лёд, разольётся река по края
И слетятся опять, словно голуби к рваной буханке,
Уходящая жизнь и последняя радость твоя.

* * *

Не из книжных червей. И, придя в этот мир,
Не со слов полюбил его – древний, целинный.
Там дорожную даль отворяет шарнир
И скрипит, имитируя крик журавлиный.

Догорает огонь в огородах и днесь
Белый дым по глазам ударяет жестоко.

Так смыкается высь, но рассветную весть
На хвосте неизменно приносит сорока.

А зима на носу. Но тебе не впервой
Равнодушие и снег, словно пули в затылок.
И стоишь на ветру, извлекающем вой
Из ружейных стволов, проводов и бутылок.

Попрощаться потом, подвязаться узлом,
Разрыдаться, щекою коснувшись заплота,
Уходя, подпереть по-старинке колом,
Чтобы бурей ночной не разбило ворота.